

Отряд углубился внутрь по водоотводному каналу, и впереди показалось величественное здание, целиком построенное из черного полированного камня. Дверь была плотно закрыта, и это массивное строение, выстроенное из непроницаемой черноты, словно безмолвный великан, нависло прямо над их путем. Его материал обладал жутковатым блеском и почти не отражал свет: луч фонаря словно поглощался им, едва успевая очертить исполинские и грозные очертания. Дверь высотой в несколько чжанов была наглухо заперта; на ней не было ни замочных скважин, ни ручек — лишь бесчисленные углубления разного размера, причудливо и сложно рассыпанные по поверхности, словно застывшая карта звездного неба.

— Зеркальный Дворец, — глядя на эту дверь, тихо произнес Се Юйчэнь. Он почувствовал, как запястье в том месте, где его сжимал Хэй Сяцзы, начинает источать странное, едва уловимое жжение, словно между ними и этой дверью — или тем, что скрывалось за ней — возникла какая-то неуловимая связь.

Хэй Сяцзы тоже заметил изменение температуры на его запястье, и его брови сошлись еще круче. Вместо того чтобы отпустить руку, он сжал ее еще крепче, будто боясь, что эту странную обитель затянет его спутника.

— Зеркальный Дворец? Звучит не слишком гостеприимно. Что это, зеркало демонов? — говорил он, но взгляд его оставался настороженным и цепким, сканируя окружение.

— Судя по записям в записной книжке и легендам, сердцевина Цзин Хуа Шуй Юэ — это и есть Зеркальный Дворец. Говорят, он способен отражать человеческие сердца и порождать иллюзии, — попытался сохранить холодный рассудок Се Юйчэнь, однако жжение на запястье и смутная, беспричинная тревога на дне души исподволь нарастали.

— Отражает человеческие сердца? — хмыкнул Хэй Сяцзы. — Ну тогда нам крышка. Кроме социалистических ценностей и тебя, Господин Хуар, в моем сердце ничего нет, так что вряд ли тут удастся явить миру что-то новенькое.

Его слова едва успели замереть в воздухе, как они словно задели какой-то невидимый механизм. Огромная дверь, усыпанная звездными углублениями, без единого звука медленно приоткрылась сама собой, оставив щель, как раз позволяющую протиснуться одному человеку. Изнутри повеяло глубокой, непроглядной тьмой, которую с трудом пробивал даже свет фонарей, а воздух стал еще ледянее и невернее, пропитываясь чарующим мороком.

Отступить было некуда. Хэй Сяцзы глубоко вздохнул и по традиции шагнул первым:

— Мул ли конь, узнаем на скаку. Господин Хуар, держись за мной.

Крепко держа Се Юйчэня за руку, он первым ступил во тьму. У Се, Ван Панцзы и Чжан Цилин последовали за ними.

В тот самый миг, когда все ступили в Зеркальный Дворец, массивная дверь позади бесшумно захлопнулась, наглухо отрезая последний лучик внешнего света. При этом пространство вокруг не погрузилось в абсолютную тьму — оно озарилось тусклым сиянием, исходившим, казалось, от самих стен. Только теперь они разглядели, что стены, свод и даже пол внутри

Зеркального Дворца сплошь состояли из гладко отполированных, зеркальных плиток черного гранита.

Бесчисленные отражения каждого из них возникали повсюду — сверху, снизу, справа и слева. Свет искажался, силуэты множились, мгновенно вызывая сильное головокружение и полную дезориентацию. Стаходилось невозможно понять, где реальность, а где обман, где верх, а где — низ.

— Мать моя женщина... — Ван Панцзы уставился на легионы паникующих собственных отражений, чувствуя, как у него подкашиваются колени.

Впрочем, это было лишь начало. Едва успев осознать окружение, каждый из них почувствовал, как в сознание, подобно приливному валу, хлынул мощный незримый поток.

У Се резко схватился за голову: из стенных отражений хлынули бесчисленные змеи, устремляясь прямо на него. Это был его глубочайший кошмар — воспоминания о змеиных топах и городе духов ожили, многократно усиленные...

Ван Панцзы увидел, как из-под ног поднимаются сокровища и погребальная утварь, которые при малейшем касании рассыпались прахом, а в ушах зазвучали предсмертные крики погибающих товарищей...

Даже на вечно беспристрастном ледяном лице Чжан Цилина промелькнула едва уловимая тень: в его зрачках отразились гряды снежных гор и тяжелые, медленно закрывающиеся бронзовые врата...

А то, что увидел Се Юйчэнь, было куда более вещественным и жестоким.

Он больше не находился в жутком Зеркальном Дворце — он вернулся в сумрачное родовое гнездо Семьи Се. Стояла глубокая ночная тишина, траурные белые ленты скорбно свисали в погребальном зале, а посреди него стоял гроб. Он увидел себя совсем юным, в белых одеждах траура, одиноко стоящим на коленях перед ледяным ложем. Вокруг смутно маячили расплывчатые фигуры сородичей, и взгляды, брошенные на него, были полны придирчивости, жалости и... жадности.

Ледяной голос вновь и вновь звучал в его ушах, словно проклятие:

— Ты глава Семьи Се... Ты не имеешь права на ошибку... Сделай шаг не туда — и рухнет всё... Все вокруг погибнут из-за тебя...

Картинка резко сменилась: он увидел Хэй Сяцзы, идущего спиной к нему по темной дороге. Тот шел все дальше и дальше, и как бы Се Юйчэнь ни звал его, спутник ни разу не обернулся, пока окончательно не растворился в густом тумане. Се Юйчэнь остался совсем один на пустом месте, окруженный мириадами злобных глаз, следивших за ним из мрака Врат Теней...

Долг, одиночество, утрата... Страхи, глубоко спрятанные под маской железобетонного хладнокровия, теперь были безмерно увеличены зеркалами из черного камня и превратились в острые ледяные иглы, вонзившиеся прямо ему в сердце. Дыхание участилось, лицо стало мертвенно-бледным, тело забилося в мелкой дрожи. Взгляд затуманился, грозя навсегда потопить его в бездонном кошмаре.

— Это ложь... Все это неправда... — шептал он, пытаясь рассудком сопротивляться наваждению, но иллюзия казалась пугающе реальной, и волна эмоций почти захлестнула его с головой.

— Се Юйчэнь!

Яростный рык, подобно удару грома, прогремел в его затуманившемся сознании!

Это был Хэй Сяцзы!

Сам Хэй Сяцзы тоже увяз в собственных иллюзиях: перед его глазами Се Юйчэня затягивали в бездонную пропасть бесчисленные темные силуэты, а он тянул руки вперед, но никак не мог дотянуться... И все же неистовое желание схватить, удержать, а также услышанные им утасаживающие, мучительные стоны Се Юйчэня заставили его за счет невероятного усилия воли вырваться из морока хотя бы на мгновение!

В это самое мгновение он увидел состояние Се Юйчэня: тот едва держался на ногах, его пустые глаза смотрели сквозь пространство, словно в следующую секунду он должен был рассыпаться на мелкие осколки.

У Хэй Сяцзы от ужаса едва не лопнули глаза — какие там иллюзии, какая опасность, сейчас это не имело никакого значения! Он резко выбросил руки вперед и не просто притянул, а с почти кандальной хваткой крепко-накрепко прижал к груди обмерзшего Се Юйчэня!

— Очнись! Се Юйчэнь! Твою мать, приди в себя! — рявкнул он прямо ему на ухо хриплым голосом, в котором звучала мощь, способная сокрушить любую ложь. — Это обман! Посмотри на меня! Посмотри же на меня!!

Надежные объятия, обжигающее тепло тела и этот знакомый, полный тревоги и гнева окрик пронзили ледяную пелену иллюзий, окутавших Се Юйчэня.

Его блуждающие зрачки резко сфокусировались. В поле зрения попало лицо Хэй Сяцзы, оказавшееся совсем близко; его солнцезащитные очки съехали, обнажив глаза, в которых вечно играла насмешка, но сейчас в них плескались нескрываемая паника и негибкая решимость.

Иллюзия отступила подобно отливу, и холодные черно-зеркальные стены дворца снова обрели

четкость.

Се Юйчэнь тяжело задышал, словно человек, которого только что вытащили из воды; по телу еще бегали остаточные спазмы страха, но рассудок уже вернулся к нему. Он отчетливо чувствовал такой же частый и мощный стук сердца в груди Хэй Сяцзы, а также силу рук, готовых буквально вплавить его в собственное тело.

Он не оттолкнул его.

— ...Я в порядке, — спустя несколько секунд с трудом выговорил хриплым голосом Се Юйчэнь.

Хэй Сяцзы пристально всматривался в него, убеждаясь, что тот действительно пришел в себя. Натянутые до предела нервы чуть-чуть отпустило, но объятия не ослабли — напротив, хватка стала еще крепче, словно он пытался вплавить Се Юйчэня себе в кости и плоть. Уткнувшись лицом ему в шею и глубоко вдохнув, он выдохнул с ноткой дрожащего облегчения человека, только что избежавшего гибели:

— ...Ты меня чуть до инфаркта не довел, черт побери.

<http://bllate.org/book/21840/2264183>